

Ева Ингеборг
ФЛЯЙШХАУЭР

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ленин
и Людендорф
(1905–1917)

СИСТЕМА

Москва
2020

Обстреляв русскую Тихоокеанскую эскадру и открыв боевые действия на море и на суше, японский Генштаб стал искать возможности атаковать и ослабить российского противника изнутри. Он подхватил идеи польско-русских националистов из австрийской эмиграции: создать второй фронт на западе Российской империи, взбунтовав русско-польское население, спровоцировать мятежи против русского самодержавия на севере (Финляндия) и юге (Кавказ) европейской части России, мешать мобилизации в глубине страны посредством крестьянских бунтов и перерезать линии снабжения русской армии с помощью диверсий и саботажа. Цель этих устремлений заключалась в том, чтобы вызвать во всей империи вооруженное восстание, которое приведет к ослаблению российской военной мощи и свержению Романовых.

Сбором и финансированием⁷⁴ оппозиционных сил Российской империи, их вооружением для планируемого массового восстания ведал офицер японской разведки, бывший военный атташе в Петербурге (1902–1904) полковник Мотодзиро Акаси⁷⁵. За годы петербургской службы он установил контакты с революционерами-подпольщиками, а после разрыва дипломатических отношений между

двумя странами вместе с персоналом японского посольства уехал через Берлин в Стокгольм, где связался с вождями всероссийских революционных партий в эмиграции. Так как заинтересованные в сотрудничестве с японским Генштабом лидеры польского национального сопротивления Роман Дмовский (Польская национальная лига) и Юзеф Пилсудский (Польская социалистическая партия, ППС), явившись в Токио с предложением своих услуг, встретили довольно сдержанное отношение в Министерстве иностранных дел и Генеральном штабе, Акаси сосредоточил усилия в первую очередь на финском социал-демократе Конраде (Конни) Циллиакусе⁷⁶ (Партия активного сопротивления) и грузине Г. Г. Деканозове (Деканози, Деканозишвили), одном из руководителей партии грузинских социалистов-федералистов. С их привлечения началось планомерное использование открытых врагов российского государства – националистических деятелей с его окраин и всероссийских революционеров, преимущественно из партии эсеров, в меньшей степени из социал-демократов, – находившихся как в российском подполье, так и в странах эмиграции⁷⁷. Когда Токио благодаря победе над Российской империей в 1905 г. вошел в круг великих держав, его военная разведка в систематической работе с внутренними врагами русского самодержавия опережала разведку центральных держав на целое десятилетие⁷⁸.

Сохранившиеся и опубликованные отчеты Акаси раскрывают лишь часть деятельности Ленина и его товарищей под японским руководством и не содержат сведений о потраченных на них (и поступивших конкретно Ленину) средствах. Тем не менее они добавляют существенные аспекты к знаниям о характере и объеме его революционных устремлений в этот первый период войны и революции. Акаси внес Ленина как «русского, одного из руководителей Социал-демократической партии»⁷⁹ в список замешанных в коллаборационизме лиц и партий и охарактеризовал его группу в российской «Социал-демократической партии, с.-д.» следующим образом: «Радикальное крыло этой партии, группа Ленина, торжественно объявляет о поддержке революционного движения против российского правительства, где только можно, хотя в объединенное оппозиционное движение не вступила. Многие представители этой фракции действительно вооружились, раздобыв револьверы. В ходе беспорядков 22 января 1905 г. («Кровавое воскресенье» в Петербурге) Гапона прославила главным образом косвенная помощь этой партии»⁸⁰.

В утраченных частях документации Акаси содержалась дальнейшая информация о его сотрудничестве с Лениным. Из нее следовало, что Акаси лично встречался с Лениным в Женеве в июле 1904 г.⁸¹ Это произошло в то время, когда Ленин, погрязший во внутрипартийных склоках и очутившийся в безнадежной политической изоляции⁸², переживал депрессию, выказывал симптомы различных заболеваний и остро нуждался в деньгах. Акаси тоже находился в особо восприимчивом настроении: возлагая надежды на российские массовые партии (и переоценивая численность коллаборационистских партий раз в десять!), он приехал в Женеву, чтобы самолично склонить к совместной работе вождя русской социал-демократии Г. В. Плеханова. Плеханов попытки японца категорически пресек. Вместе с ним большинство русских социал-демократов со всей решительностью отказались сотрудничать с врагом России. Компенсацию за постигшую его неудачу Акаси нашел в лице радикального предводителя маленькой большевистской группировки эсдеков – Ленина. Как сообщал полковник в свое токийское ведомство, в ожесточенном борце-одиночке, которого «другие социалисты... считают негодяем, который не гнушается никакими средствами ради достижения своей

цели», он увидел подходящего человека, чтобы революционизировать Россию. Вот его отзыв о лидере большевиков: «В действительности он честен и отнюдь не эгоистичен. За свои принципы он отдаст все. Ленин – тот человек, который может совершить революцию»⁸³.

Хотя прямых доказательств пока нет, считается, что Ленин принял предложение Акаси⁸⁴. Ведь вскоре он сумел на средства, появление которых встревожило Заграничную агентуру русской охраны и возмутило его меньшевистских партнеров, устроить в Женеве партийную конференцию и создать новое, дорогостоящее печатное предприятие, вопреки уставу, не раскрыв источники его финансирования товарищам меньшевикам. Пропагандистская газета Ленина, пророчившая поражение России и подстрекавшая к вооруженному восстанию во имя свержения самодержавия, выходила с 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.) под названием «Вперед», а в мае 1905 г. была переименована в «Пролетарий»⁸⁵. В ее редакцию, возглавляемую русско-польским большевиком В. В. Воровским (партийный псевдоним: П. Орловский), входили русские товарищи М. С. Ольминский (партийный псевдоним М. С. Александрова) и А. В. Луначарский; «Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, заведовавший всей хозяйственной частью, непрерывно сиял, строил разные грандиозные планы, возился с типографией»⁸⁶. Этих ближайших соратников Ленина во времена его сотрудничества с японским Генштабом не смущало, что он, во вред подвергшейся нападению родине, выполняет диверсионные задания, которые влекут за собой смерть ее солдат и мирных жителей. Тем самым они прошли проверку на пригодность к участию в дальнейших ленинских отношениях с германским Генеральным штабом: Воровский с апреля 1917 г. в заграничном представительстве ЦК РСДРП в Стокгольме вместе с К. Б. Радеком стал связным Ленина с германскими ставкой Высшего командования и Министерством иностранных дел; Ольминский в годы мировой войны по рекомендации Ленина издавал в Саратове финансируемую немцами пораженческую «Нашу газету». Владимир Бонч-Бруевич, правая рука Ленина среди верных сподвижников русской национальности, в 1905–1907 гг. входил в теснейший ленинский круг, с территории русской Финляндии руководивший работой в обеих столицах и промышленных районах Российской империи. При бегстве Ленина из России на рубеже 1907–1908 гг. Бонч-Бруевич остался его связным в Петербурге: здесь он поддерживал регулярные контакты со своим братом Михаилом – офицером Генштаба, сотрудником русской контрразведки сначала в Киеве, затем в столице, – которого лично познакомил с Лениным и который постоянно осведомлял его о происходящем в российском Генеральном штабе и снабжал конфиденциальными материалами. Даже во время Первой мировой войны генерал Бонч-Бруевич предоставил брату секретные военные документы, опубликованные Лениным в Швейцарии в своем «Сборнике социал-демократа»⁸⁷. В. Д. Бонч-Бруевич в Петербурге благодаря научной деятельности в Академии наук стал признанным специалистом по русскому сектантству. Ленина тут главным образом интересовала экономически влиятельная группа староверов – он не раз предпринимал попытки заполучить в распоряжение своей партии их капиталы и наследства, но его товарищу Бонч-Бруевичу данная специальность также открыла двери к другим социальным и политическим группировкам: в 1912 г. он в качестве эксперта по хлыстовским сектам встал на защиту Распутина, когда тому грозил общественный ostracism. Он сам познакомился с Распутиным и в получившем широкую известность письме издателю «Современника»⁸⁸ выступил против распространявшегося мнения, будто Распутин – хлыстоц. Бонч-Бруевич подробно опроверг слухи о неправо-

славной, безнравственной религиозной практике «старца» и реабилитировал его как «абсолютно убежденного» и высоконравственного православного христианина. В начале 1917 г. глубокое знание староверчества дало ему ключ к сближению со староверами среди казаков, чьих действий в роли сил быстрого реагирования на стороне царя большевистские повстанцы и подпольщики особенно опасались. В том числе и благодаря этому часть полков кубанских казаков, направленных командующим войсками Петроградского военного округа С. С. Хабаловым наводить порядок в столице, в стратегически важных пунктах города отказалась стрелять по демонстрантам, помогая тем самым победе Февральской революции⁸⁹. Наконец, после захвата власти Лениным В. Д. Бонч-Бруевич, как его личный секретарь и управляющий делами Совета народных комиссаров, рука об руку с братом был одним из главных участников военного сотрудничества с германским Высшим командованием.

Когда Ленин соглашался с предложением Акаси, он преследовал собственные интересы, желая использовать русско-японскую войну для борьбы с самодержавием. С начала конфликта он пропагандировал надежду, что война в случае поражения России повлечет за собой развал всей системы правления⁹⁰. В первой листовке он осудил «преступное и разбойническое царское самодержавие», апеллируя к «международной революционной социал-демократии»⁹¹. Российских читателей он звал на решительный бой с «внутренним врагом» – самодержавием, которое развязало войну с Японией своими преступлениями и потому обречено на гибель. Он вменял в обязанность «всем сознательным пролетариям России» протестовать «против этой безумной и разорительной войны», считая, что «старая Россия» уже умирает.

Ленин не ограничивался воззваниями. Еще до вербовочной поездки Акаси в Швейцарию он принял собственное, идущее вразрез с общепартийным курсом решение о сотрудничестве с японцами и завязал первые контакты с ними через своего секретаря Бонч-Бруевича. Когда еженедельная газета японских социалистов «Хэймин симбун» в марте 1904 г. призвала российских социал-демократов к «совместной героической борьбе» против русского шовинизма и милитаризма, Ленин поручил Бонч-Бруевичу как заведующему экспедицией (отделом распространения) РСДРП сделать японским социалистам некое предложение. Тот обратился в газету с просьбой помочь в доставке социал-демократической литературы российским военнопленным в Японии, найдя самый горячий отклик. Газета напечатала его письмо и переправила поступившую в начале июня 1904 г. по окольным (японским) каналам из Женевы (через Вену) ленинскую литературу адресатам. В начале июля она уведомила его о приходе литературы к месту назначения. Для ее отправки Бонч-Бруевич должен был связаться с одним японским дипломатом. Лидер меньшевиков Ю. О. Мартов раскрыл эту связь и поставил Бонч-Бруевичу в вину отношения с японским правительственным агентом в Вене⁹². Гнев меньшевиков излился не столько на Ленина, сколько на Бонч-Бруевича, чья репутация надолго пострадала (с тех пор у русских эмигрантов вошло в обиход новоизобретенное словечко «сбончить» как синоним к «обмануть», «передернуть»⁹³). Еще в июле 1904 г. меньшевистский ЦК категорически потребовал прекратить «высылку партийной литературы токийскому правительству как компрометирующую партию»⁹⁴. Чуть позже он постановил отстранить Бонч-Бруевича от заведования экспедицией.

Встреча Ленина с Акаси углубила уже существующие, направленные на агитацию среди русских военнопленных, контакты большевистского лидера с Токио,

выведа их на уровень общей пропагандистско-революционной борьбы. Она неожиданно стимулировала обоих неравноправных партнеров: Акаси нашел в Ленине творца планируемой революции, а сам, в свою очередь, помог Ленину обрести новый, заразительный боевой дух. Пусть Ленин потом по тактическим соображениям избегал близости к Акаси и ведущим агитацию при поддержке японцев русским революционерам (не принял участия в финансируемой на японские средства первой конференции оппозиционного движения 30 сентября – 4 октября 1904 г. в Париже, вторую конференцию, состоявшуюся 2–8 апреля 1905 г. в Женеве, под разными предлогами покинул вскоре после открытия), но как самый пламенный русский пропагандист с беспощадной откровенностью отстаивал военные цели японского Генштаба. В первом же номере своей газеты «Вперед»⁹⁵ он поставил русскому пролетариату «серьезнейшую задачу»: «Самодержавие колеблется. Тяжелая и безнадежная война, в которую оно бросилось, подорвала глубоко основы его власти и господства... Пролетариат должен воспользоваться необыкновенно выгодным для него политическим положением. Пролетариат должен поддержать конституционное движение буржуазии, встряхнуть и сколотить вокруг себя как можно более широкие слои эксплуатируемых народных масс, собрать все свои силы и *поднять восстание в момент наибольшего правительственного отчаяния, в момент наибольшего народного возбуждения* [курсив мой. – Е. И. Ф.]». Ленин подчеркивал: «Развитие политического кризиса в России всего более зависит теперь от хода войны с Японией. Эта война всего более разоблачила и разоблачает гнилость самодержавия, всего более обессиливает его в финансовом и военном отношении, всего более истерзывает и толкает на восстание страдавшие народные массы, от которых эта преступная и позорная война требует таких бесконечных жертв». Правда, в своем стремлении разжечь революционную искру в России он сильно опережал развитие событий на фронте, о котором судил по сообщениям немецкой и английской прессы, утверждая: «Самодержавная Россия разбита уже конституционной Японией... Лучшая часть русского флота уже истреблена, положение Порт-Артура безнадежно... Главная армия с Куропаткиным во главе потеряла более 200 000 человек, обессилена и стоит беспомощно перед неприятелем, который неминуемо раздавит ее после взятия Порт-Артура. Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удешевление недовольства, брожения и возмущения». Однако через несколько месяцев тяжелейших боев и огромных потерь с обеих сторон его убийственный прогноз до известной степени оправдался. А до тех пор оставалось в силе его требование: «К этому моменту должны мы готовиться со всей энергией. В этот момент одна из тех вспышек, которые все чаще повторяются то здесь, то там, поведет к громадному народному движению. В этот момент пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать свободу всему народу...»

Когда в Женеву пришло известие о капитуляции Порт-Артура (2 января 1905 г.), Ленин воспользовался поводом ускорить наступление «момента наибольшего народного возбуждения», пропагандистски преувеличив драматичность происходящего, хотя русские сухопутные войска еще располагали неисчерпаемыми резервами и отнюдь не были разбиты, русский флот летом получил значительные подкрепления, и русским вооруженным силам только предстояли решающие сражения – большое сухопутное (Мукденское, 21 февраля – 11 марта 1905 г.) и важнейшее морское (Цусимское, 27 мая 1905 г.), – исход которых пока оставался неведом. В то время как растерянное сдачей незамерзающей гавани Порт-Артур ее комендантом генералом А. М. Стесселем российское правитель-

ство и потрясенная поспешной капитуляцией российская общественность искали виновных (генерала Стесселя в 1908 г. приговорили к смерти, однако помиловали, заменив смертную казнь десятью годами заключения в крепости, а в 1909 г. амнистировали), Ленин в статье «Падение Порт-Артура»⁹⁶ уже праздновал близость всеобщего восстания. Он приветствовал сдачу русской крепости как «катастрофу правящей и командующей России... нашего злейшего врага» и обещал себе и своим русским читателям в результате «ускорение социальной революции пролетариата». Согласно его тенденциозному толкованию этого события пролетариат мог «радоваться»: «Катастрофа... означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата... А если последует серьезный революционный взрыв, то более чем сомнительно, чтобы с ним сладило самодержавие, ослабленное войной на Дальнем Востоке».

По собственному произволу предвосхищая желанный революционный момент, он использовал возникший кризис, чтобы через своих связных в Петербурге предпринять первую попытку разжечь всеобщее восстание. Так как численность его партии в столице была ничтожно мала (всего 150–200 чел.), он искал для ее деятелей возможность влиться в какое-нибудь более широкое движение (уже в своей первой статье в газете «Вперед» призвал «пролетариев» «поддерживать» либеральное движение, т. е. проникать и внедряться в него). Подобную возможность предоставило ему шествие с петицией, организованное русским священником и социальным реформатором Гапоном.

Пропаганда, которую вел Ленин по заданию Акаси, существенно способствовала тому, что за границей нарождающемуся движению придавалось гораздо большее значение, чем оно имело в тот период в России.

Несмотря на предвзятое мнение, Ленин встретил беглеца внешне доброжелательно, расспрашивал о состоянии революционных организаций рабочего класса¹²⁷. Тем не менее он всегда относился к этому народному герою из противоположного политического лагеря сдержанно (не случайно в воспоминаниях Крупской тот предстает «хитрым попом» с «поповской психологией»¹²⁸). Впрочем, Ленин и не мог держать себя с Гапоном свободно. Его опрометчивая попытка разжечь в столице нужное японцам восстание провалилась. Зато он невольно сделал своего соперника в борьбе за руководство пролетарскими массами «героем Кровавого воскресенья». Теперь ему приходилось учитывать большие надежды, которые Акаси возлагал на объединяющее влияние священника, и в соответствии с пожеланиями японской стороны налаживать при его участии боевой союз между эсерами и социал-демократами для подготовки вооруженного восстания в России¹²⁹. Этот тактический замысел определял ленинское отношение к Гапону, пока тот, ничего не подозревая, действовал по заданию и на деньги японского Генштаба. Когда японские субсидии прекратились (в ноябре 1905 г.), Ленин только рад был избавиться от опасного соперника и по поводу его убийства не проронил ни слова¹³⁰.

Среди отдельных операций, управляемых японцами, определенным приоритетом пользовалось провоцирование бунта на броненосце «Потемкин» (28 июня 1905 г. н. ст.). Мятежный броненосец должен был поддержать бортовой артиллерией вооруженное восстание в Одессе¹³⁶. Это предприятие имело для японского Генерального штаба особое значение, так как могло парализовать русский Черноморский флот и помешать отправке новых эскадр в Тихий океан. Русские революционеры в эмиграции ждали от него прорыва в закрытую для них доселе область – армейские и флотские части, – который им, несмотря на усердную пропаганду, никак не удавался; поэтому Ленин превозносил «громадное значение последних одесских событий», когда «впервые крупная часть военной силы царизма – целый броненосец – перешла открыто на сторону революции»¹³⁷.

Когда зафрахтованные корабли с оплаченным японскими деньгами оружием были уже в пути, держа курс на российские порты черноморского и балтийского побережья, Гапон по желанию японцев вместе с Рутенбергом вернулся в Россию для организации приема грузов и доставки их по назначению – участникам планируемого всенародного восстания.

Глава маленькой партии большевиков готовился к руководству восстанием, пока работал на японский Генштаб, и его первая попытка носила все признаки этого сотрудничества.